

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.1

КУЛЬТ ИШТАР И РИТУАЛ СВЯЩЕННОГО БРАКА В РОМАНЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «GENERATION “П”»

Баранов А. В.

*Институт филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь
E-mail: aleksandr.baranov.97@mail.ru*

В статье анализируются мифолого-ритуальные основы романа Виктора Пелевина «Generation “П”» – это трансформированный образ богини Инанны-Иштар и ритуал священного брака. В начале автор выясняет особенности и функции аутентичной Иштар. Приводится материал, иллюстрирующий сложность образа богини в источниках древней литературы и религиозных текстах. Через событийность повествований о богине шумеро-аккадского пантеона рассматриваются значимые черты её характера, которые имеют своё отражение в исследуемом романе. Большое внимание уделяется основному ритуалу, связанному с Инной-Иштар – священному браку, союзу Земли и Неба, божества и человека, который стал сюжетобразующим для «Generation “П”». Далее детально изучается трансформация и авторское осмысление описанных мифологом в выбранном романе. Автор расширяет область анализа за счёт рассмотрения неомифологических сюжетов в произведении Виктора Пелевина, роли гильдии халдеев и некоторых ритуально значимых культурных представлений. Основными направлениями статьи являются исследование профанизации сакрального, оппозиции и соответствия изначального значения символов с авторским. Через путь становления главного героя романа «Generation “П”» Вавилена Татарского исследуется раскрытие мифологом и их конкретная реализация в реалиях девяностых годов XX века.

Ключевые слова: Инанна-Иштар, Иштар, гильдия халдеев, священный брак, Вавилен Татарский, Энкиду, Древо жизни, шумеро-аккадская мифология, В. Пелевин, «Generation "П"»

ВВЕДЕНИЕ

Образ древней богини и ритуал священного брака являются ключевыми и сюжетобразующими для романа Виктора Пелевина «Generation “П”». Можно утверждать, что, по Пелевину, социальная система синонимична совокупности смыслов, вложенных им в образы Иштар и «общества садовников» [12, с. 337], то есть её служителей-халдеев.

Для объективности суждений об идейной стороне романа, его смысловой наполненности необходимо обратиться к подлинным мифолого-ритуальным чертам богини, некогда сформировавшимся в шумеро-аккадской и аккадско-вавилонской культурной общности, чтобы выяснить, какие из них и как реализует и переосмысляет Виктор Пелевин. Мы не можем назвать систему фантастических образов и микросюжетов в романе полностью неомифологическими. Но в них присутствует множество отсылок к архаическим мифологемам. Поэтому особенности реализации культурных архетипов в рассматриваемом художественном тексте заслуживают отдельного внимания. Не следует забывать также и о связи мифа с типом художественного мышления априори [11, с. 38].

Иштар – одно из древнейших выражений идеи Великой Богини. Изучение её культа, позволяя раскрыть смыслы цивилизации далёкого прошлого, связывает архаичное с современным и указывает на единство человеческого с божественным, на особенности пути смертного, на итог его движения и связанные с ним последствия. В этом смысле роман Виктора Пелевина «Generation “П”» становится одним из самых значительных произведений русского постмодернизма и несёт древнюю семантику в рамках создаваемой писателем альтернативной реальности, в которой узнаваемые архаические элементы в сильно трансформированном виде играют значительную (если не главную) роль.

Поэтому целью статьи является уяснение роли Иштар и ритуала священного брака в организации художественного мира романа В. Пелевина «Generation “П”».

Теоретическую основу статьи составили труды Дж. Фрэзера, Т. Якобсона, И. М. Дьяконова, В. В. Емельянова, а также исследования Жана Бодрийера в области симулякров и Жака Деррида, осмыслившего метафизику с точки зрения деконструктивизма. Из отечественных исследователей необходимо выделить особо работы Михаила Эпштейна как теоретика русской постмодернистской литературы.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Богиня Инанна-Иштар и ритуал священного брака в шумеро-аккадской мифологии

Оговоримся, что древние шумеры называли богиню Инанной, Иштар – аккадский вариант имени [19, с. 159]. Упомянув о двух именах, Торкильд Якобсен сразу же замечает, что Инанна-Иштар – «в некоторых отношениях – самая интересная фигура шумерского пантеона» [19, с. 159]. Сложно не согласиться, учитывая совокупность ролей и функций, выполняемых ей.

Исследователь перечисляет все её основные ипостаси: «богиня дождя, богиня распри, богиня утренней и вечерней звезды... Итак, мы рассмотрели Инанну как нумен закровов, как богиню войны, богиню утренней и вечерней звезды и богиню блудниц...власть её простирается буквально во все сферы» [19, с. 166].

Связь с закромами сразу говорит о близости функции материального накопления древнейшим представлениям об Инанне. Покровительство и утренней, и вечерней заре свидетельствует о власти над началом и завершением дня, а функции богини дождя и богини любви связаны напрямую с плодородием и оплодотворением. Область войны очень тесно взаимодействует с темой гендерных отношений, разжиганием страсти.

Значимость роли богини Инанны-Иштар в древности подчёркивают и надгробные надписи шумерских и аккадских царей («Инанне, верховной владычице, возвещающей всякие судьбы» [1, с. 67]), и древние литературные тексты («пусть одна она, мощная, держит бразды небес и земли» [1, с. 106]). В шумеро-аккадской и вавилонской истории присутствует значимый период – культ Великой Богини, когда власть Инанны-Иштар в восприятии древних распространилась практически на все важнейшие области мироздания.

В ритуальном смысле особенно значимой ипостасью Инанны является роль невесты. Их браку с Думузи, божеством плодородия и земледелия, уделён значительный пласт древних текстов. Это одно из центральных событий в шумеро-аккадском календаре,

которое приходилось на второй месяц Нового года и отмечалось весной [7, с. 65]. Обратим внимание на то, что в данном сюжете Инанна не предстаёт примерной невестой, а боится любых забот и сложностей, которые обрушатся на неё в новом доме и предстаёт перед читателем избалованной и богатой [19, с. 47].

Одним из важнейших источников с точки зрения нашей работы является поэма «С великих небес к великим недрам» [13, с. 144-155]. Здесь Инанна, богиня живых, вторгается в подземное царство, владения своей сестры Эрешкегаль с известной целью: «Инанна Великих Небес возжелала, Великих Недр возжелала!» [13, с. 149].

Только бог Энки способствует её спасению, но взамен себя она должна оставить кого-нибудь в царстве мёртвых. В итоге богиня отдаёт в жертву демонам своего супруга Думузи: «Его, хватайте его!» [13, с. 153]. Данный сюжет, по точному комментарию Дьяконова, вместе со священным браком и осирическим мифом связан с сельскохозяйственным производством [5, с. 169]. Поэтому он не уникален в мировой мифологии, однако здесь мы можем проследить характер Инанны-Иштар. Она единственная посягает на абсолютную власть от небес до недр и по собственному выбору отдаёт возлюбленного миру мёртвых.

Своеобразие черт характера богини проявлено в «Эпосе о Гильгамеше». Когда Гильгамеш оказывается увенчанным славой, к нему проявляет интерес богиня. Она предлагает вступить в брак и соблазняет героя богатством: «Ты будешь мужем, я буду женою! / Приготовлю для тебя золотую колесницу, / С золотыми колесами...» [17, с. 39]. Но Гильгамеша не прельщает предложенное ему. Он знает о пагубной природе богини, что ясно прописано в его ответе: «Но в жёны себе тебя не возьму я! / Ты – жаровня, что гаснет в холод, / Черная дверь, что не держит ветра и бури, / Дворец, раздавивший главу героя...» [17, с. 40].

Священный брак характерен для большинства архаичных культур, в частности, для Вавилона, Египта, Греции, Скандинавии [14, с.165-167]. Он же встречался и на Дальнем Востоке, в Индии божественный царь (Индра) являлся супругом богини растительности, называемой Шри [5, с. 165]. Пережитки ритуала явно отражены в дальнейшей индийской литературе, что свидетельствует о его значимости. Особенно это заметно в сюжете об отшельнике Ришьяринге, где его соблазняет небесная апсара, после чего начинается дождь, символизирующий плодородие [5, с. 165].

Целью обрядового действия является возрождение плодородия почвы. «У многих народов этого времени приняты два связанных между собою обряда – элемент выгона скота в поле и обряд священного брака» [8, с. 66]. Элемент выгона скота добавляет к магии увеличения урожая магию приплода. Этот факт объясняет, почему Думузи – пастух. Возможно, образ пастуха является эквивалентом более раннего (первичного) образа быка. А древнейшая символика брака коровы (Земли) и быка (Неба), оплодотворяющего Землю, делает возможным жизнь и её преумножение [8, с. 69].

Для Месопотамии этот обряд имел особое значение, так как был распространён практически во всех храмах [5, с. 164]. Изначально ритуал воспринимался как брак божества с божеством: Нанна и Ниргаль, Энлиль и Нинлиль, Иштар и Думузи. Но существовали и многие иные вариации. Так, при обожествлении царя возможно было соединение его как земного божества с наложницей [5, с. 164]. Другой вариант – ежегодный союз царя с одной из жриц богини, её олицетворявшей, «дабы обеспечить плодородие земли и женского чрева» [8, с. 213].

Одной из вариаций подобных браков были «совокупления» с идолами: «Обычай женитьбы богов на статуях или людях был, таким образом, широко распространен у народов древности» [14, с. 144]. Конечно, в основном речь идёт о богах плодородия и растительности, так как союз именно с ними выполнял прагматическую функцию – увеличение благ. Для того, чтобы максимально приблизиться к сюжету из «Generation “П”», обратимся к варианту священного брака царя с богиней.

Речь идёт о фигуре царя-жреца (priestly-king), которую научно осмыслил Дж. Фрэзер в работе «Золотая ветвь» [14]. Главной особенностью царей-жрецов было соединение социальной и магической власти, сочетание жезла со скипетром [15, с. 125].

Царь-жрец считался бессмертным, а исполняющий его «обязанности» умирал весьма необычным образом. Как только здоровье царя ухудшалось – благоденствию всего народа угрожала опасность. Именно поэтому priestly-king должен умереть «при первых же признаках слабости» [14, с. 671]. Убивали его ритуально и заменяли молодым и сильным. Фрэзер описывает умерщвление ослабевающего царя-жреца. Приговор, который выносят ему советники, в буквальном переводе означает «день и год», но в действительности подразумевает ритуальную фразу «Разве Бог умирает?» [15, с. 297]. Сам процесс убийства происходит через удушение царя советниками: двое держали, один душил и ещё один «мягко похлопывал его по всему телу, пока жизнь не покидала его» [15, с. 298].

Похожее событие происходит в романе «Generation “П”», когда Виктор Пелевин описывает в неомифологическом тексте сексуальный союз с золотым идолом Иштар, на который её дух сходит в определённое время [12, с.44].

Реализация мифологем в «Generation “П”»

Исходя из позиций Андрея Белого, Михаил Эпштейн утверждает, что «конец века есть образ людей, его завершающих» [18, с.411]. Поэтому для нас так важен Вавилен Татарский, главный герой исследуемого романа. А вместе с персонажем Виктор Пелевин очерчивает объясняемый при помощи мифа мир, его породивший.

Со знакомства с тремя загадками Иштар начинается основная сюжетная линия. Весь дальнейший путь героя – путь неопита к посвящению, путь к священному браку с богиней. После «активации» предназначения Вавилен находит три предмета, символизирующих загадки, – пустую пачку из-под сигарет «Парламент», кубинскую монетку с изображением Че Гевары и точилку для карандашей в форме телевизора с нарисованным на экране глазом [12, с. 62]. Каждый из них приближает его к священному союзу с богиней. Сначала Вавилен делает успешную рекламу сигарет «Парламент», чем подкрепляет своё социальное положение. Потом узнаёт от духа Че Гевары принципы манипуляции человечеством через телевидение и рекламу. В завершение череды «отгадываний» во время общения с Сирруфом Вавилен Татарский видит, как через телевизор происходит сожжение человеческих существ [12, с. 176].

Параллельно этой троичности происходит два значительных этапа взаимодействий главного героя с идеей Иштар. В городе Татарский случайно замечает магазин с названием «Иштар»: «Это был крошечный магазин-однодневка, только что переделанный из бутербродной, но уже несущий на себе печать упадка и скорого заката» [12, с. 102]. Находясь внутри, Вавилен размышляет о двух понятиях: инфляции счастья и вещизме [12, с. 103–104].

Обратим внимание на описание магазина: писатель подчёркивает временность, ветхость его. А мысли, которые приходят персонажу, являются проявлением духа или же пути Иштар. Они отображают временность, непостоянство, потому не могут принести человеку подлинного счастья, а только заставляют его бежать всё быстрее за новыми материальными благами, чтобы хоть в какой-то степени наполнить жизнь смыслом.

Более полно образ Великой Богини раскрывается в составленном Пелевиным мифе об Энкиду, где женским божеством выступает жена бога Энки («по другой версии – его женская ипостась, что маловероятно; также возможно отождествление с фигурой Иштар» [12 с. 166]).

Богиня перебирала радужные чётки своих бус, а когда заснула – рассыпала их в воду. После этого бусинки обрели сознание и расселились по водоёму [12, с. 166]. Энкиду создан, чтобы снова собрать элементы ожерелья на золотую нить, если так случится – будет конец света [12, с. 166]. «Говорящим» выступает способ нанизывания на нить: «А по нити люди-бусины взбираются, сперва заглывая ее, а затем попеременно схватываясь за нее ртом и анусом» [12, с. 167]. Тем самым они отображают описанную автором систему ORANUSa, построенного на орально-анальных вау-импульсах, то есть желаний получать и тратить деньги [12, с. 121]. Золотая нить и есть та привлекательная вертикаль потребления, через которую (в том числе) богиня проявлена в социуме.

Когда люди занимают своё место в череде бусинок, они пользуются только указанными вау-факторами, руки «служат им для того, чтобы закрывать глаза и уши или отбиваться от белых птиц, которые стараются сорвать их с нитей» [12, с. 167]. Анализируемая сцена является наиболее яркой и полной аллегорией воздействия силы Иштар на человечество и происходящего с людьми в рамках сюжета о шумеро-аккадской мифологии.

Последняя встреча с богиней происходит в главе «Золотая комната» – сюжетной развязке и посвящении Татарского.

Внезапно он оказывается в довольно просторном зале наподобие фуршетного, куда попал в повязке на глазах. Нельзя сказать точно, снится ли Татарскому происходящее или случается в реальности, так как перед самым событием персонаж засыпает на «зиккурате», когда уже прошёл все предшествующие браку этапы. Учитывая сложность построения автором действительности, неуместно говорить о сне и яви как взаимоисключающих понятиях, особенно если взять во внимание концепцию В. О. Пигулевского, утверждавшего, что «функции посредника между двумя мирами принимает на себя “сон”, который и сам по себе может в этом случае становиться иной, особой реальностью» [9, с.27]

Первое, что попадает в поле зрения Вавилена, – в «стенах не было ни одного окна, зато одна из стен была зеркальной, из-за чего освещенный яркими галогенными лампами зал казался значительно больше, чем был на самом деле» [12, с. 324]. Иными словами, помещение не имеет связи с внешним миром через окна и замкнуто само в себе, зеркало здесь выступает средством иллюзии, благодаря которой зал кажется другим. Учтём и размер зеркала – целая стена, следовательно, все присутствующие отражаются и постоянно видят себя в нём, то есть символически погружены в иллюзорность.

На светском приёме Татарский оказывается совершенно голым, несмотря на то что остальные одеты, но его нагота не привлекает особого внимания. С одной стороны, подобная нелепость может выступать характерной чертой для сна, потому что в

предыдущей главе Вавилен засыпает, и мы не знаем, насколько реально происходящее. Но с другой – его нагота есть следствие соблюдения канонического обряда посвящения.

В ряде случаев, когда речь идёт именно о сакральном в ритуале, часто от посвящаемого требуется обнажённость. Например, в христианском обряде крещения (особенно, когда мы говорим о древности) человек должен быть голым и это имеет важный смысл: «во время крещения человек подобно Христу сбрасывает с себя старые одежды порчи, греха...» [16, с. 85–86]. В архаических системах значение снятия одежды то же самое, что в рассмотренном монотеистическом примере: «...с религиозной жизнью не должно смешиваться ничего из того, что имеет прямое или косвенное отношение к профанной жизни. Нередко абориген должен полностью обнажиться, чтобы его допустили к участию в обряде» [6, с. 508].

Опираясь на указанные сведения, мы считаем наготу Татарского ритуальной вне зависимости от степени реальности происходящего. Азадовский открыто говорит герою о том, что повязка и «все дела» – необходимость перед совершением ритуала [12, с. 324–325]. Присутствие остальных в одежде тоже понятно – не им проходить посвящение, а безразличность к обнажённости Вавилена можно считать знаком осведомлённости и принадлежности присутствующих к тайной гильдии халдеев.

Немного отступая от описания пути к посвящению, Пелевин ещё раз обращает читательское внимание на ужасающие следствия общества потребления и подчинённость ORANUSy, то есть – догмам Иштар. В помещении Татарский наблюдает странную выставку картин, где вместо экспонатов – нотариальные справки об их покупке, и при показе делается особый акцент на стоимости приобретения [12, с. 325–326]. Сами экспонаты уже никого не интересуют. Азадовский вообще не видит смысла разбираться в искусстве, он не понимает эстетики как таковой [12, с. 326]. И это – прямое следствие ценностей поколения «П».

Через какое-то время Азадовский уводит Вавилена с мероприятия через тайную дверь в зеркальной стене [12, с. 328], то есть переводит в зазеркалье. Перед событиями в Золотой комнате для нас важен один описательный фрагмент. Татарский смотрит на Леонида Азадовского, уже надевшего золотую маску, и характеризует его так: «Маленькое золотое лицо неземной красоты, словно вынырнувшее из толпы ряженных на карнавале в Венеции, настолько не соответствовало его рыжеволосому бочкообразному туловищу, что Татарскому стало страшно» [12, с. 331].

Это противоречие является лейтмотивом произведения, и назвать его можно смешением сакрального с профанным. Сам Леонид Азадовский – персонаж, включённый в ряд служителей современного культа, ведёт себя как невежда даже по отношению к самому посвящению: «Мне лично всё это по барабану, но, если хочешь быть в нашем бизнесе, без этого нельзя» [12, с. 333]. И это общая тенденция для представителей «Института пчеловодства» или же – современных халдеев. Об этом же свидетельствует и фрагмент диалога Фарсейкина с Вавиленом. Последний замечает, что ему известно значение одного из центральных иероглифов на ритуальной плите, египетское «быстро», на что Фарсук ему отвечает: «...нестандартно. Обычно новые члены думают, что это шоколад “M&M”» [12, с. 336]. Означать это может только неподготовленность неопита к посвящению и тотальную профанизацию сакральной традиции культа. Очевидно, что тот культ Иштар, которому следуют халдеи, увёл мир людей в беспробудную тьму и существует для погружения человечества во мрак дальше.

Виктор Пелевин филигранно играет с истинно существовавшими представлениями, их трансформацией и авторскими дополнениями, чтобы создать аллегорическую и одновременно крайне реалистическую мировоззренческую модель. Он не даёт читателю окончательно убедиться в фантастичности или правдивости происходящего. Думается, мир рассматриваемого романа является альтернативной реальностью, в которой с помощью мифологических элементов Виктор Пелевин ищет «корни» той критической ситуации, в которой оказался человек в конце XX века. Неокульт Великой Богини как нивелирование духовно-нравственного развития человечества на фоне обладания благами – очень ёмкая иллюстрация авторской позиции.

Теперь обратимся к новому неомифологическому сюжету, открываемому Азадовским Вавилену в качестве элемента посвящения. Одна богиня не хотела умирать, когда пришло время, тогда она разделилась на то, что отказывается умирать и на саму смерть. Смертью оказался некий пятилапый пёс Пи...ец, и они с богиней долго сражались. Когда пёс стал её побеждать – вмешались остальные боги (по-видимому, тоже решившие не умирать) и убедили враждующих заключить мир. Богиня превратилась в золото как идею и лишилась тела, а пёс вынужден вечно спать [12, с. 333–334].

Перед нами завязка эсхатологического неомифа, так как если пёс проснётся, то наступит конец света [12, с.338]. Думаем, на отождествлении пса с потусторонним миром останавливаться не нужно, вспомним хотя бы Цербера, самого известного пса-стража Аида. Нетрудно догадаться, что описанная Азадовским богиня – Иштар, и известно, что и в шумеро-аккадской традиции она тоже имела непростые отношения с царством мёртвых. Один из двух основных сюжетов, характеризующих её, связан со снисхождением в преисподнюю – «с великих небес к великим недрам». Сама амбиция Иштар завладеть миром мёртвых, то есть победить смерть как таковую, пересекается с рассказом Азадовского.

Об описываемой богине Татарскому подробнее рассказывает уже Фарсук Сейфуль-Фарсейкин, глава гильдии халдеев [12, с. 333]. Заходя в золотую комнату, Фарсук отвечает на вопрос Вавилена об имени изображенной богини: «Её никак не зовут... Когда-то давно её звали Иштар, но с тех пор её имя много раз менялось» [12, с. 336]. По-видимому, следует расценивать его высказывание как указание на искажение и забвение исконных корней традиции.

Важно упомянуть, что Иштар XX века уже не является той же самой богиней, что была до своей схватки со смертью. Теперь она превратилась в идею золота [12, с. 335], не имея иного «тела». И, так как сила божества сошлась в одной точке материального богатства, через которое она сохраняет подобие жизни, гильдия халдеев тоже не имеет знаний другого порядка. Следовательно, от её былой многомерности осталось немного – только материальная часть, богатство.

Когда Татарский смотрит на изображение богини и пятилапого пса – между ними замечает росянку, которая, по словам Фарсука, является изображением древа Жизни [12, с. 337]. Дальше мы узнаём, что оно – одна из ипостасей богини: «Дерево с тремя корнями, которое расцветает в наших душах» [12, с. 337]. Как думается, Пелевин пишет о реально существующем в представлении европейских мистиков явлении, вернее – метафизической схеме. Обратим внимание, что на изображении у древа именно три корня, и само оно является божественностью, прорастающей в человеке. Имея это в виду, не следует забывать о многоплановости богини: в шумеро-аккадской мифологии «различалось не менее пяти разных Иштар» [5, с. 229]. И у Пелевина её образ имеет

множество планов. Однако даже намёка на духовную природу описанного дерева автор нам не даёт. Структура, имеющая один смысл (постижение высших истин) приведена им с совершенно иной семантикой (погружение во тьму материализма). О несоответствии с оригиналом говорит и образ росянки. Напомним, что она является «хищным» растением, и питается насекомыми, привлечёнными вырабатываемой жидкостью. И эта биологическая особенность вносит свою смысловую лепту в интерпретацию дерева Жизни в романе. Оно хищное, и питается теми, кто им привлечен, как росянка – насекомыми.

Цель гильдии халдеев – быть садовниками этого «дерева» [12, с. 337]. Когда речь заходит об истоках общества садовников – Фарсук отвечает неопределённо: «Говорят, что оно (общество) действовало ещё при Атлантиде, но мы для простоты считаем, что оно пришло из Вавилона в Египет» [12, с. 337]. Высказывание ещё раз подчёркивает размытость и нецелостность знаний даже для Сейфуль-Фарсейкина.

Помимо «садовничества» гильдия халдеев внимательно следит, чтобы упомянутый мифологический пёс не пробудился. В свете проанализированного нельзя сказать, что наступление П...ца является отрицательным исходом. Правление Иштар и халдеев – торжество идеи абсолютной материализации сознания через принцип ORANUSa. А пробуждение пса может равняться концу власти культа. Но Татарский вовсе не герой, призванный освободить мир от господства губительной идеи, он просто становится одним из привилегированных элементов системы – земным мужем богини.

Ритуал смены мужей в «Generation “П”» происходит очень схоже с ритуалом убийства предыдущего царя-жреца в архаических обществах. В обоих случаях предшественник принимает смерть от своих советников и посредством удушения: «Саша Бло с Малютой...душили Азадовского жёлтыми нейлоновыми прыгалками, стараясь держаться от него как можно дальше» [12, с. 340]. Таким образом, Пелевин воссоздаёт подлинный в основной задумке и неомифологический в нюансах древнейший ритуал смены мужа Великой Богини, являющегося и царём-жрецом [14, с. 671]. Причём, при строгом соблюдении ритуальной составляющей метафизическая доктрина носителей традиции предельно упрощается. Знания утрачены и нет адекватного понимания смысла этой самой традиции. Происходит то, что Жак Деррида назвал «редукцией метафизик» [3, с.102], утратой исходных значений, посредством их стирания из-за оторванности от конкретики и значительного времени пребывания в дискурсе [4, с. 243]. Иллюстрация этого – в диалоге Татарского с Фарсейкиным:

« – Фарсук Карлович, скажите мне по секрету...

– Да?

– Кто всем этим на самом деле правит?

– Мой тебе совет – не суйся, – сказал Фарсейкин. – Дольше будешь *живым* богом.

Да я, если честно, и сам не знаю. А столько лет уже в бизнесе» [12, с. 343–344].

Мы считаем, что Пелевин обращается к данному сюжету ещё и с целью отображения необратимости пути, по которому пошёл Татарский: единственный способ «уйти» с «должности» – смерть, и обязательно насильственная. Естественно, отказаться от данного титула нельзя: «– А отказаться я могу? – Не думаю, – сказал Фарсейкин» [10, с. 342]. «Дотянуть до старости» можно только, если «не нагнеть» [12, с. 343], что означает – справно выполнять определённые указания. А сама структура верховной власти в гильдии остаётся теневой даже для земного бога.

Финал книги изменяет концепцию Великой Лотереи, где победитель устаивается священного союза с Иштар, игры, где есть «только выигрыш или смерть» [12, с. 45].

Теперь она выглядит не столько беспрюграммной, сколько безвыигрышной, так как Вавилон оказывается в золотой клетке с множеством подразумеваемых правил, нарушать которые опасно для жизни (запрет на интерес к «верхушке» и своеволие). А живым богом по факту становится 3D-копия Татарского, а он как человек ничего не значит [12, с. 35]. То есть его статус является наполовину симулякром. По определению Бодрийера симулякр «является образом, обещающим присутствие того, чего нет» [2, с. 10]. И, с точки зрения физической действительности Вавилон Татарский не становится богом, сверхчеловеком и т.п. Даже с точки зрения атрибутов для него ничего не меняется. Однако его 3D-копия, то есть уже иллюзия, занимает привилегированное место в массмедийном пространстве, из которого и строится поглощающая человека социальная реальность.

ВЫВОДЫ

Инанна-Иштар в культуре Древнего Востока воспринималась не только богиней любви, распри и плодородия (богатства), но и была Великой Богиней. Именно на это опирается писатель, предоставляя ей всю полноту власти над миром в пространстве рассматриваемого романа. Единственная её сущностная черта, к которой В. О. Пелевин не прибегает вовсе – это любовь. Аллегорически Иштар выступает в романе соединяющей всё и вся золотой нитью, на которую нанизаны живущие, и олицетворяет тотальную материализацию вектора развития человечества. Это связано и с упрощением сути её самой как Великой Богини, так как после отказа умирать она воплощается в единой, но всеобъемлющей идее золота (как символа материального богатства). Следствием выступает профанизация сакрального в гильдии халдеев, в общественной системе.

Близко к архаическим образцам воссоздан ритуал смены старого царя-жреца новым (удушение, обязательная насильственная смерть). Вместе с тем в романе представлена лишь вариация священного брака между царём-жрецом и идолом божества. И мистическая власть богини одновременно всеобъемлющая и иллюзорная, то есть видится в мире вещей только через символы и домысливание героя – Вавилена Татарского. Священный брак выступает скрепой и целью пути Татарского, однако в итоге приводит его к столь же мнимой божественности, как и знания халдеев.

Мифологические и неомифологические конструкты используются Виктором Пелевиным как фундамент аллегорической и одновременно насыщенной реалистичностью его авторской действительности. В координатах России конца XX века открывается панорама истории человеческой цивилизации, теряющей всякую субъектность и не имеющей внятной системы знаний, необходимой для саморазвития идеологии ни на одном из своих ярусов. Великая Богиня превратилась в идею золота, она не является, ни живой, ни мёртвой, как и человечество в мире «Generation “П”».

Список литературы

1. Ассирио-Вавилонский эпос [Текст] / изд. подготовил В. В. Емельянов. – СПб.: Наука, 2007. – 641 с.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Жан Бодрийяр. – М.: ПОСТУМ, 2015. – 240 с.
3. Деррида, Ж. Письмо и различие / Жак Деррида. – СПб. : Академический проект, 2000. – 432 с.

4. Деррида, Ж. Поля философии / Жак Деррида. – М.: Академический Проект, 2012. – 376 с.
5. Дьяконов, И. М. Архаические мифы Востока и Запада [Текст] / И. М. Дьяконов. – М. : Наука, 1990. – 247 с.
6. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии [Текст] / Э. Дюркгейм. – М. : РАНХиГС, 2018. – 736 с.
7. Емельянов, В. В. Древний Шумер. Очерки Культуры [Текст] / В. В. Емельянов – СПб. : Петербургское востоковедение, 2001. – 368 с.
8. Емельянов, В. В. Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака [Текст] / В. В. Емельянов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 1999. – 272 с.
9. Иванова, Н. П. Мотив сна и увядания в бахчисарайском тексте русских поэтов XIX-XX вв. [Текст] / Н. П. Иванова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71). – № 2. – С. 25–37.
10. Крамер, Сэмюэл Н. История начинается в Шумере [Текст] / Сэмюэль Н. Крамер. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 235 с.
11. Курьянов, С. О., Лосинец, Д. Ю. Неомифологические основы творчества А. С. Грина (на примере рассказа «Ночью и днём») / С. О. Курьянов, Д. Ю. Лосинец // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71). – № 2. – С. 38–50.
12. Пелевин, В. Generation “П” [Текст] / В. Пелевин. – М. : Аст, 2019. – 352 с.
13. Поэзия и проза древнего востока [Текст] / под ред. И. Брагинского. – М. : Художественная литература, 1973. – 736 с.
14. Фрэнгер, Дж. Дж. Золотая ветвь. Дополнительный том [Текст] / Дж. Дж. Фрэнгер. – М. : Рефл-бук, 1998. – 464 с.
15. Фрэнгер, Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии [Текст] / Дж. Дж. Фрэнгер. – М. : Политиздат, 1983. – 703 с.
16. Элиаде, М. Священное и мирское [Текст] / Мирча Элиаде – М. : Издательство Московского университета, 1994. – 143 с.
17. Эпос о Гильгамеше (О всё видавшем) [Текст]. – СПб. : Наука 2006. – 215 с.
18. Эпштейн, М. Н. Постмодерн в русской литературе : учеб. пособие для вузов / М. Н. Эпштейн. – М. : Высш. шк., 2005. – 495 с.
19. Якобсен, Т. Сокровища тьмы : история месопотамской религии [Текст] / Торкильд Якобсен. – М. : Восточная литература. РАН, 1995. – 293 с.

References

1. Assiro-Vavilonskii Jepos [Assyro-Babylonian Epic]. Ed. prep. by V.V. Yemelyanov. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2007. 641p.
2. Bodriiyar Zh. *Simulyakry i Simulyatsii* [Simulacra and Simulations]. Moscow: POSTUM Publ., 2015. 240 p.
3. Derrida Zh. *Pismo i Razlichie* [Writing and Distinction]. Saint Petersburg: Akademicheskii Projekt Publ., 2000. 432 p.
4. Derrida Zh. *Polya Filosofii* [Philosophy Fields]. Moscow: Akademicheskii Projek Publ., 2012. 376 p.

5. Dyakonov I. M. *Arkhaicheskiye Mify Vostoka i Zapada* [Archaic Myths of the East and West]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 247 p.
6. Dyurkgeim Je. *Jelementarnyye Formy Religioznoi Zhizni: Totemicheskaya Sistema v Avstralii* [Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia]. Moscow: RANKhiGS Publ., 2018. 736 p.
7. Yemelyanov V. V. *Drevnii Shumer. Ocherki Kultury* [Ancient Sumer. Essays on Culture]. Saint Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 2001. 368 p.
8. Yemelyanov V. V. *Nippurskiy Kalendar i Rannyaya Istoriya Zodiaka* [The Nippur Calendar and the Early History of the Zodiac]. Saint Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 1999. 272 p.
9. Ivanova N. P. *Motiv Sna I Uvyadaniya v Bakhchisarayskom Tekste Russkikh Poetov XIX-XX Vv.* [The Motive of Sleep and Withering in the Bakhchisarai Text of Russian Poets of the 19th – 20th Centuries]. *Uchenyye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye Nauki. Nauchnyi Zhurnal*. Vol. 5 (71). no 2. pp. 25–37.
10. Kramer Semyuel N. *Istoriya Nachinayetsya v Shumere* [The Story Begins in Sumer]. Moscow: Nauka Publ. Glavnaya Redaktsiya Vostochnoi Literatury, 1991. 235 p.
11. Kuryanov S. O., Losinets D. Yu. *Neomifologicheskiye Osnovy Tvorchestva A.S. Grina* (na Primere Rasskaza Nochy i Dnom) [Neomythological Foundations of A.S. Green's Works (Based on the Story Night and Day)]. *Uchenyye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, 2019, Vol. 5 (71), no 2. pp. 38–50.
12. Pelevin V. *Generation II* [Generation P]. Moscow: Ast Publ., 2019. 352 p.
13. *Pojeziya i Proza Drevnego Vostoka* [Poetry and Prose of the Ancient East]. Ed. by. I. Braginsky. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1973. 736 p.
14. Frezer Dzh. Dzh. *Zolotaya Vetv: Issledovaniye Magii i Religii* [The Golden Bough: Researching Magic and Religion]. Moscow: Politizdat Publ., 1983. 703 p.
15. Frezer Dzh. Dzh. *Zolotaya Vetv. Dopolnitelnyi Tom* [The Golden Bough. Additional Volume]. Moscow: Refl-buk Publ., 1998. 464 p.
16. Jeliade M. *Svyashchennoye i Mirskoye* [Sacred and Secular]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta, 1994. 143 p.
17. *Jepos o Gilgameshe (O Vse Vidavshem)* [The Epic of Gilgamesh (The One Who Saw Everything)]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2006. 212 p.
18. Jepshteyn M. N. *Postmodern v Russkoi Literature* [Postmodernity in Russian Literature]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 2005. 495 p.
19. Yakobsen T. *Sokrovishcha T'my: Istoriya Mesopotamskoy Religii* [Treasures of Darkness: A History of the Mesopotamian Religion]. Moscow: Vostochnaya Literatura. RAN Publ., 1995. 293 p.

КУЛЬТ ИШТАР И РИТУАЛ СВЯЩЕННОГО БРАКА В РОМАНЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА...
**THE CULT OF ISHTAR AND THE RITUAL OF THE SACRED MARRIAGE IN
VICTOR PELEVIN'S NOVEL "GENERATION" P»»**

Baranov A. V.

Summary. The article analyzes the mythological and ritual foundations of Victor Pelevin's novel "Generation " P" " - a transformed image of the goddess Inanna-Ishtar and the ritual of a sacred marriage. In the beginning, the author finds out the features and functions of the authentic Ishtar. The article provides material illustrating the complexity of the image of the goddess in the sources of ancient literature and religious texts. Through the eventfulness of the narratives about the goddess of the Sumero-Akkadian pantheon, significant features of her character are considered, which are reflected in the novel under study. Much attention is paid to the main ritual associated with Innana-Ishtar-the sacred marriage, the union of Earth and Heaven, deity and man, which became the plot-forming for "Generation " P". Next, we study in detail the transformation and author's understanding of the mythologies described in the selected novel. The author expands the field of analysis by considering neo-mythological subjects in the work of Victor Pelevin, the role of the Chaldean guild and some ritually significant cultural representations. The main directions of the article are the study of the profanization of the sacred, the opposition and the correspondence of the original meaning of the symbols with the author's. Through the path of formation of the main character of the novel "Generation" P "" Vavilen Tatarsky explores the disclosure of mythologies and their concrete implementation in the realities of the nineties of the XX century.

Keywords: Inanna-Ishtar, Ishtar, the Guild of the Chaldeans, holy marriage, Babylonian Tatar, Enkidu, Tree of Life, Sumero-Akkadian mythology, V. Pelevin, "Generation" P"»».